

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И. Г. Романов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 339.94

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье раскрываются основные закономерности и особенности развития глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в современной мировой экономике. Выделены важнейшие изменения в географии размещения звеньев ГЦСС, в структуре стоимости конечной продукции, в составе участников ГЦСС. Рассмотрены причины сокращения ГЦСС с начала 2010-х гг., а именно: отсутствие масштабных инициатив по либерализации торговли, «протекционизм 2.0», переориентация на внутренние рынки в крупнейших экономиках мира. Автором обосновано, что текущая геополитическая обстановка вызывает существенные изменения в устоявшихся моделях организации ГЦСС. Выявлены ключевые каналы, обеспечившие процесс реконфигурации ГЦСС на рубеже 2010-2020-х гг. В работе показано, что современная архитектура глобальных стоимостных цепочек складывается под воздействием таких факторов, как снижение значимости международных различий в заработной плате низкоквалифицированных работников как фактора географической фрагментации производственного процесса, рост вклада услуг в стоимость конечной продукции, повышение степени наукоемкости ГЦСС, усиление роли независимых участников ГЦСС. Автор приходит к выводу о том, что современное состояние глобальных стоимостных цепочек ставит новые вызовы для развития российской экономики. По итогам исследования формулируются рекомендации для государственных органов власти России по разработке и реализации политики, направленной на обеспечение эффективного участия отечественных компаний в ГЦСС.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, добавленная стоимость, международная фрагментация производства, транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции, экономическое развитие.

Цитировать статью: Романов, И. Г. (2025). Современные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости в мировой экономике. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(2), 106–125. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6>.

¹ Романов Игорь Григорьевич — аспирант, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: iromanova1409@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-8833-8742.

© Романов Игорь Григорьевич, 2025

I. G. Romanov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: F21, F23, O11

CURRENT TRENDS OF GLOBAL VALUE CHAINS IN THE WORLD ECONOMY

The paper explores the major current trends and features of global value chains (GVCs) in the world economy. The author identifies the main changes in geographical location of GVCs' stages, in the cost structure of final products, and in the composition of GVCs' participants. He then considers the reasons for GVCs reduction since the beginning of 2010s, such as: the lack of large-scale initiatives for trade liberalization, «protectionism 2.0», and a shift towards domestic markets in the world's biggest economies. The author proves that the contemporary geopolitical situation causes significant changes in well-established models of GVCs. The key channels that provided the GVCs reconfiguration in 2010s–2020s have been investigated. The study emphasizes that modern pattern of GVCs is shaped by such factors as lesser importance of differences in low-skilled labor wages as a driving force of geographical fragmentation of production, a larger contribution of services to value creation process, a greater knowledge intensity of GVCs, a higher role of non-affiliated firms in GVCs. Finally, the author argues that current trends in GVCs generate new challenges for the development of Russia's economy. The analysis concludes with recommendations for Russia's state policymakers aimed at promoting an effective participation of national companies in GVCs.

Keywords: economic development, global value chains, added value, international fragmentation of production, transnational corporations, foreign direct investment.

To cite this document: Romanov, I. G. (2025). Current trends of global value chains in the world economy. *Lomonosov Economics Journal*, 60(2), 106–125. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6>

Введение

Глобальные цепочки создания стоимости — феномен, представляющий новую реальность международного производства, охвативший мир в последние десятилетия XX в. В его основе лежит разделение производственного процесса на отдельные операции и бизнес-функции, выполняемые в разных странах. К ним относятся: НИОКР; разработка концепции и дизайна продукта; производство деталей и комплектующих; сборка конечной продукции; маркетинг и продажи; сервисное обслуживание потребителей. Фрагментацию производства не следует считать абсолютно новым явлением в экономике — уже в 1960–1970-е гг. существовал внутриотраслевой обмен конечными и промежуточными товарами, проявившийся, в частности, в развитии международного аутсорсинга в автомобильной промышленности и IT-услугах (Авдокушин, Широкова, 2009, с. 26–27).

Однако с начала 1990-х гг. к настоящему времени она приобрела огромные масштабы и динамизм. Экспортные потоки в рамках ГЦСС сегодня составляют 60–67% объема мировой торговли в категориях добавленной стоимости, что указывает на важную роль ГЦСС в формировании мирохозяйственных связей (Волгина, 2020, с. 276).

Как показала мировая практика, интернационализация производства происходила постепенно, однако стимулом к массовому распространению ГЦСС стала начавшаяся со второй половины 1980-х гг. либерализация сферы торговли и инвестиций, в ходе которой компании из развитых стран получили возможность существенно расширить зарубежные рынки сбыта своей продукции и создать за пределами национальных границ собственные подразделения посредством прямых иностранных инвестиций (ПИИ), превратившись в транснациональные корпорации (ТНК). При этом развитие мировой логистики, вызванное значительным прогрессом в информационно-коммуникационных технологиях в 1990-е гг., привело к многократному снижению затрат на координацию географически разделенных бизнес-операций, поэтому компании стали все чаще организовывать производственные процессы в международном масштабе (Baldwin, 2013).

ГЦСС указывают на «возросшее значение вертикальной производственной кооперации на мировых рынках товаров и услуг, когда продукция одной страны приобретает другими странами в качестве промежуточной для последующей обработки (добавления стоимости) и реэкспорта в третьи страны» (Малыгин, 2015, с. 114). Это кардинально меняет существующие статистические подходы к оценке трансграничных торговых потоков. Поскольку наибольшая часть продукции высоких переделов сегодня производится «в мире», то валовый экспорт каждой страны может быть разделен на национальную (созданную в самой стране) и иностранную (воплощенную в импорте промежуточных продуктов, используемых для производства экспорта этой страной) добавленную стоимость. В свою очередь, национальная добавленная стоимость либо непосредственно потребляется на внутреннем рынке страны-импортера (прямая добавленная стоимость), либо реэкспортируется ею в третьи страны в составе промежуточной или конечной продукции (косвенная добавленная стоимость), либо используется в ней для производства товаров и услуг, вернувшихся после обработки в страну-экспортер (Варнавский, 2018, с. 10).

На современном этапе развития мирохозяйственных связей ГЦСС претерпевают ряд структурных изменений, вызванных как трансформацией международных конкурентных стратегий ТНК, так и новыми тенденциями в мировой экономике. Это оказывает значительное влияние на позиционирование стран и регионов в системе международной фрагментации производства и ставит важные задачи перед государственной политикой в сфере социально-экономического развития. Таким образом, представ-

ляется актуальным анализ основных тенденций, отражающих формирующуюся архитектуру ГЦСС в современной мировой экономике.

Изменения в географической структуре ГЦСС

В настоящее время в мире происходят определенные изменения в географии размещения звеньев ГЦСС. Далее будут подробно рассмотрены важнейшие из них.

Сокращение ГЦСС с начала 2010-х гг. Одной из ключевых современных особенностей развития международной фрагментации производства служит замедление расширения экономической активности в формате ГЦСС во второй декаде XXI в. Если в 2000–2010 гг. мировой валовый экспорт и косвенная добавленная стоимость в составе мирового экспорта росли ежегодно в среднем на 8,7 и 9,7% соответственно, то в 2010–2019 гг. среднегодовые темпы прироста не превышали 3,7 и 3,8% (GVC Development..., 2021, р. 6). Кроме того, эластичность физического объема мировой торговли по реальному мировому ВВП стала снижаться с начала 2010-х гг.: в 1996–2009 гг. мировая торговля росла в 1,58 раза быстрее, чем мировой ВВП, однако в 2010–2023 гг. ее среднегодовые темпы прироста были выше только в 1,07 раза (WDI, 2025). Если в 1990–2000-е гг. практически все страны мира стремились к наращиванию масштабов участия в международных стоимостных цепочках, то после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. дальнейшее усложнение ГЦСС и связанных с ними трансграничных потоков товаров, услуг, капитала и рабочей силы заметно приостановилось, причем наиболее значительное снижение интенсивности торговли имело место для высокотехнологичных и географически протяженных цепочек создания стоимости (существующих, например, в автомобильной, электронной, химической, швейной промышленности). Как свидетельствуют данные табл. 1, во всех из десяти крупнейших стран мира по величине косвенной и иностранной добавленной стоимости экспорта в 2020 г. наблюдалось падение среднегодовых темпов прироста обоих показателей после 2009 г.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы прироста косвенной
и иностранной добавленной стоимости экспорта крупнейших стран
в 1999–2009 гг. и 2010–2020 гг. (в %)**

Косвенная добавленная стоимость экспорта			Иностранная добавленная стоимость экспорта		
Страна	1999–2009	2010–2020	Страна	1999–2009	2010–2020
Китай	18,7	6,3	Китай	20,8	3,8
США	3,4	1,1	Германия	9,3	0,5

Косвенная добавленная стоимость экспорта			Иностранная добавленная стоимость экспорта		
Страна	1999–2009	2010–2020	Страна	1999–2009	2010–2020
Германия	7,2	1	Ирландия	15,2	9,8
Япония	3	–1,1	Южная Корея	13,6	–1,1
Франция	5,2	0	Сингапур	11,8	3,3
Италия	5,1	0,6	Мексика	5,3	3
Южная Корея	7,7	2,4	США	5,2	–1,7
Индия	15,1	2,5	Франция	5,8	0,4
Великобритания	3,5	0	Нидерланды	7	3,9
Канада	4,5	0,8	Вьетнам	20,7	13,9

Источник: рассчитано автором по данным (TiVA, 2023).

Сокращение международных цепочек создания стоимости со второго десятилетия XXI в. обусловлено, во-первых, отсутствием за этот период масштабных инициатив по либерализации торговли и движения капитала, подобных тем, которые имели место в 1990-е гг. (образование европейского общего рынка в 1993 г., основание ВТО в 1995 г. и др.), во-вторых, усилением внешнеторгового и инвестиционного протекционизма в мире и особенно в развитых странах, выразившегося в резком росте числа административных мер регулирования внешнеэкономических отношений — ужесточение экспортного контроля, ограничения на иностранное участие в местных фирмах, антидемпинговые, защитные, компенсационные, санитарные и фитосанитарные меры, тарифные квоты, технические барьеры в торговле, требования локализации полного цикла производства конечных товаров и др. («протекционизм 2.0») (Ляменков, 2017; WDR 2020). Из данных табл. 2 следует, что в 2010–2023 гг. в мире было инициировано многократно больше нетарифных барьеров в торговле, чем за период 1996–2009 гг., причем сильнее всего выросло число количественных ограничений, компенсационных мер и технических барьеров. Схожая тенденция характерна для государственного регулирования международного движения капитала: количество введенных странами мер, направленных на либерализацию и стимулирование притока ПИИ, за второй из указанных периодов по сравнению с первым уменьшилось примерно на одну пятую часть, в то время как число ограничительных мер увеличилось почти вдвое.

**Количество инициированных административных мер
регулирования внешней торговли и притока ПИИ в мире
в 1996–2009 гг. и 2010–2023 гг.**

Тип регуляторных мер	1996–2009	2010–2023	Прирост, в %
Антидемпинговые меры	2727	2611	–4
Компенсационные меры	171	389	127
Защитные меры	196	241	23
Количественные ограничения	217	1234	469
Технические барьеры в торговле	11 138	21 469	93
Санитарные и фитосанитарные меры	7041	12 284	74
Меры по либерализации притока ПИИ	1384	1100	–21
Ограничительные меры на приток ПИИ	206	407	98

Источник: составлено автором по данным (World Investment Report, разные годы) и (WTO Integrated ..., 2025) .

В качестве другого важного фактора, объясняющего относительно «вялую» динамику развития ГЦСС с начала 2010-х гг., фигурирует снижение импортозависимости в отношении промежуточной продукции и переориентация на внутренние рынки в тех странах, на которые приходится значительная доля мирового ВВП и мировой торговли. Так, Китай с начала 2000-х гг. существенно нарастил отечественное производство деталей и комплектующих, в связи с чем удельный вес импортных компонентов в стоимостном объеме экспорта китайских товаров сократился с 50% в середине 1990-х гг. до 30% в 2015 г. (WDR, 2020, p. 19). Кроме того, в Китае, Индии и во многих других развивающихся странах и странах с формирующимся рынком сегодня опережающими темпами растет численность среднего класса, что наряду с непрекращающейся урбанизацией и повышением уровня жизни населения приводит к возрастанию доли расходов на брендовые и высокотехнологичные товары и услуги в структуре потребительского спроса. Как результат, базирующиеся там международные компании рассматривают быстрорастущий внутренний спрос как наиболее крупную и легко достижимую долю рынка и все меньшую часть производимых в этих странах товаров направляют на экспорт (De Backer, Flaig, 2017). С другой стороны, фактор растущего среднего класса работает также на стимулирование развития торговли в формате ГЦСС — население Китая и Индии регулярно приобретает брендовые товары на международных маркетплейсах, а средний класс, проживающий

в развивающихся странах «второго эшелона», к которым относятся: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Вьетнам, Иран, Пакистан, Перу, Колумбия, Нигерия, Эфиопия, Уганда и т.д., сегодня все чаще использует в повседневной жизни иностранные предметы роскоши (косметические средства, ювелирные украшения, импортный алкоголь и др.), что обеспечивает приток ПИИ в эти страны и способствует укреплению их позиций в ГЦСС (Спартак, 2018, с. 68).

Неравномерность размещения звеньев ГЦСС в мире. Участие в ГЦСС является одним из ключевых факторов социально-экономического развития развивающихся стран, так как позволяет им создавать рабочие места, повышать доходы и уровень жизни населения, осуществлять структурные преобразования и укреплять международную конкурентоспособность национальной экономики, не осваивая весь производственный цикл. Вместо это они имеют возможность занять определенную нишу в процессе изготовления конечной продукции и получать экономические выгоды за счет выполнения ряда узкоспециализированных задач в рамках ГЦСС. Однако звенья глобальных стоимостных цепочек размещены в мире неравномерно, и преобладающая часть торговых потоков в формате ГЦСС протекает между ЕС, ЮСМКА и государствами Восточной и Юго-Восточной Азии. В 2020 г. около 50% добавленной стоимости экспорта ЕС, происходящей из-за пределов интеграционного блока, поступило из ЮСМКА и стран Восточной и Юго-Восточной Азии; примерно 40% иностранной добавленной стоимости экспорта Восточной и Юго-Восточной Азии происходило из ЕС и ЮСМКА; приблизительно две трети иностранной добавленной стоимости экспорта ЮСМКА было создано в странах ЕС и Восточной и Юго-Восточной Азии (TiVA, 2023). Рассмотренная особенность приводит к тому, что многие страны Африки и Латинской Америки остаются слабо охваченными глобальными цепочками поставок: так, предприятия-экспортеры в странах ЕС, ЮСМКА, Восточной и Юго-Восточной Азии крайне ограниченно используют в своем производстве промежуточные товары из стран Африки, Южной и Центральной Америки. Между двумя последними регионами ГЦСС также недостаточно развиты ввиду того, что взаимные торговые потоки промежуточной продукции сведены к минимуму. Таким образом, для повышения степени вовлеченности латиноамериканских и африканских стран в ГЦСС их правительства должны разрабатывать и проводить активную политику, направленную на создание стимулов для привлечения в национальную экономику прямых иностранных инвестиций.

Снижение роли международных различий в заработной плате низкоквалифицированных работников как фактора, влияющего на выбор ТНК стран-реципиентов ГЦСС. Характерной особенностью развития международной фрагментации производства в формате ГЦСС на современном этапе выступает то, что издержки на использование рабочей силы низкой квали-

фикации играют все менее важную роль при определении ТНК стран-реципиентов ГЦСС. Происходивший в 1990–2000-е гг. «бум» в развитии ГЦСС был обусловлен различием в стоимости низкоквалифицированной рабочей силы между развитыми и развивающимися странами: будучи дорогим в странах базирования ТНК (Япония, Германия, США) и дешевым в большинстве стран Юго-Восточной Азии, низкоквалифицированный труд широко применялся восточноазиатскими подразделениями европейских и американских ТНК с целью выполнения трудоемких производственных операций. Тем не менее к настоящему времени рабочая сила в развивающихся странах стала значительно более дорогой. Так, среднемесячная заработная плата в КНР увеличилась с 5,6% от уровня США в 1995 г. до 29,6% в 2022 г. (ILO, 2025). Это является одной из основных причин начавшегося после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. решоринга в стратегиях ТНК со штаб-квартирами в развитых странах. Кроме того, современные цифровые технологии — Интернет «вещей», «большие» данные, «умные» фабрики, искусственный интеллект, 3D-печать — позволяют эффективно производить высококачественные товары в развитых странах. Как результат, массовое офшорное производство, обеспечиваемое за счет международных различий в затратах на низкоквалифицированную рабочую силу, сегодня отходит на второй план, уступая место аддитивным производственным технологиям, позволяющим выпускать персонализированную продукцию вблизи от рынков конечного потребления.

Однако отмеченная тенденция не означает, что мотивы создания ГЦСС исчерпали себя и производство будет возвращаться в национальные границы. Во-первых, масштабы интеграции стран в ГЦСС зависят не только от абсолютного размера средней заработной платы, но также от ее сочетания с производительностью труда. Рост заработной платы нередко сопровождается повышением производительности труда, в связи с чем удельные трудозатраты не изменяются либо растут достаточно медленными темпами, что не сводит на нет конкурентные преимущества различных развивающихся стран в стоимости рабочей силы. Например, в странах Юго-Восточной Азии в 2000–2010 гг., несмотря на повышение средней заработной платы, удельные трудозатраты оставались на невысоком уровне, а в африканских странах они, наоборот, были высокими при относительно слабой динамике средней заработной платы (по причине низкой производительности труда) (Смирнов, Лукьянов, 2019, с. 38–39). Во-вторых, с возрастанием величины среднедушевого дохода развивающиеся страны нередко перемещаются на высокодоходные сегменты ГЦСС, что показывает пример «азиатских тигров», которые сегодня являются крупными сервисными экономиками мира. В-третьих, в настоящее время не только развитые, но и многие развивающиеся страны инвестируют в цифровые технологии — Китай, Тайвань, Таиланд, Индонезия и др. Так, правительство КНР поощряет внедрение на местных предприятиях промышленных

роботов с тем, чтобы компенсировать решоринг мощностей иностранными ТНК, стимулируемый ростом затрат на рабочую силу в стране (De Backer, Flaig, 2017, p. 21). Таким образом, тенденция снижения значимости стоимости труда низкоквалифицированных работников как фактора, влияющего на выбор ТНК стран-реципиентов ГЦСС, не обязательно приводит к сокращению цепочек создания стоимости.

Реконфигурация ГЦСС в конце 2010-х — начале 2020-х гг. В свете геополитических вызовов, которым подвергается развитие мировой экономики на протяжении последних 5–7 лет, происходят радикальные изменения в устоявшихся моделях организации ГЦСС. Такие события, как торговая и технологическая война между США и КНР, пандемия COVID-19 и Специальная военная операция (СВО) России на Украине, сказались на качественной перестройке глобальных стоимостных цепочек в стратегиях ТНК и обозначили необходимость создания новых ГЦСС в условиях меняющегося глобального миропорядка.

Напряженность в торговых отношениях США и Китая достигла пика весной 2018 г. В марте США подняли таможенные пошлины на ввоз стали и алюминия из Китая до 25 и 10% соответственно, а Китай в ответ обложил дополнительными пошлинами различные товары из США, в частности, мотоциклы, мясомолочную продукцию, фрукты, кокосовое масло и др. (Толкачев, 2018, с. 71; GVC Development..., 2023, p. 53). Поскольку через эти страны проходит значительное количество современных ГЦСС, возрастание торговых издержек, вызванное введением односторонних протекционистских мер, имело каскадный эффект, распространившись на участников цепочек поставок из других стран и регионов, и привело к реорганизации ГЦСС в стратегиях ТНК. Так, повышение двусторонних импортных пошлин в США и КНР отразилось на деятельности 81% китайских подразделений американских ТНК в 2019 г. и заставило их искать альтернативных поставщиков комплектующих (GVC Development..., 2021, p. 138). Кроме того, национальные компании Китая и Южной Кореи начали активно перемещать производство в страны АСЕАН, Канаду и Мексику (так называемый френдшоринг — от англ. friendshoring) с целью избегания высоких ввозных пошлин в США, что обеспечило ускорение интеграции последних в ГЦСС за счет наращивания поставок конечной продукции в США и импорта промежуточных товаров из Китая и Южной Кореи (GVC Development..., 2023, p. 65–66).

Пандемия COVID-19, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г., стала крупным потрясением для функционирования ГЦСС. Повсеместно введенные правительствами стран карантинные меры спровоцировали многочисленные нарушения и даже разрыв международных цепочек поставок вследствие сбоев в работе транспорта, остановки производственных линий, закрытия рынков, запрета на экспорт продуктов питания и медицинских товаров, отмены трансграничных сде-

лок M&A и зарубежных инвестиционных проектов «зеленого поля» (Fu, 2020). Крупнейший ущерб от пандемии COVID-19 был нанесен экспорту компаний, импортировавших промежуточные товары из стран, в которых имели место наиболее жесткие ограничения экономической активности, равно как и предприятиям, поставлявшим комплектующие в такие страны (Смирнов, 2022, с. 1008). Тем самым пандемия COVID-19 привела к усилению диверсификации поставок и мест сборки конечной продукции ТНК, а также к частичной локализации и регионализации данных звеньев ГЦСС для повышения устойчивости глобальных стоимостных цепочек к кризисным явлениям в мировой экономике.

Следует констатировать, что тенденция регионализации ГЦСС сегодня подкрепляется все большим количеством заключенных между странами региональных торговых соглашений (РТС). Как свидетельствует статистика ВТО, на конец 2024 г. в мире действовало 374 РТС по сравнению с 45 РТС на конец 1995 г. (WTO Regional..., 2025). В свою очередь, РТС нередко ограничивают аутсорсинг из-за пределов торгового блока ввиду наличия в них правил происхождения товаров. Кроме того, современные методы управления ГЦСС, закрепленные в конкурентных стратегиях ТНК (в частности, метод «точно в срок»), направлены на обеспечение быстрых и своевременных поставок с целью сокращения времени выхода продукта на рынок, что способствует территориальной близости звеньев цепочек создания стоимости. Таким образом, в настоящее время наблюдается укрепление внутрирегиональных торгово-экономических связей между предприятиями, задействованными в ГЦСС.

После пандемии COVID-19 серьезным вызовом для развития ГЦСС стала Специальная военная операция России на Украине, которая длится с 24 февраля 2022 г. На фоне СВО в РФ прекратили деятельность различные зарубежные компании в сфере розничной торговли — «Икеа» (IKEA), «Старбакс» (Starbucks) и др. Многие ТНК в реальном секторе, как, например, «Форд» (Ford) и «Боинг» (Boeing), приостановили производство на территории России, а мировые судоходные компании перестали обслуживать российские порты. Западные страны ввели беспрецедентные экономические санкции в отношении РФ с целью принудить ее завершить военный конфликт. Россия ответила сокращением поставок минеральных ресурсов, в том числе нефти, газа, палладия, ванадия, калия, никеля, алюминия, в ЕС и другие развитые страны, что имело следствием рекордно высокие мировые цены на сырье весной 2022 г. и разрушение международных стоимостных цепочек в отраслях, испытывающих значительную зависимость от вышеперечисленных ресурсов (OECD, 2022). С другой стороны, сложившиеся обстоятельства стимулировали создание новых ГЦСС — например, когда Россия частично переориентировала сократившиеся поставки энергоресурсов в страны АТР. Более того, в условиях экономических санкций Россия и Беларусь все чаще образуют между со-

бой цепочки поставок в ряде отраслей, включая АПК, нефтеперерабатывающую промышленность, банковские услуги (Арефьев, 2022).

Новые ГЦСС сегодня также формируются в рамках расширенного состава БРИКС. Это дает возможность различным развивающимся странам встроиться в международные стоимостные цепочки, управляемые ТНК из других развивающихся стран. В частности, в июне 2022 г. была принята «Инициатива БРИКС по укреплению сотрудничества в области цепочек поставок» (BRICS Initiative...). В рамках соответствующей инициативы страны-партнеры договорились о содействии развитию цепочек создания стоимости внутри БРИКС, определив приоритетные направления кооперации в рассматриваемой сфере — упрощение процедур торговли услугами; увеличение государственных инвестиций в современную транспортно-логистическую инфраструктуру; расширение мер поддержки деятельности МСП, участвующих в цепочках поставок, функционирующих в рамках БРИКС; обмен накопленным опытом по повышению уровня вовлеченности национальных экономик в ГЦСС и др. Благодаря этому в настоящее время между странами «БРИКС+» успешно развиваются цепочки создания стоимости в химической отрасли и в электронной промышленности. Расширение состава БРИКС может помочь различным развивающимся странам Африки и Латинской Америки, которые, как утверждалось выше, слабо встроены в ГЦСС, укрепить свои позиции в процессах международной фрагментации производства.

В табл. 3 систематизированы основные каналы, обеспечившие пере-строение ГЦСС в стратегиях ТНК на рубеже 2010–2020-х гг.

Таблица 3

Каналы реконфигурации ГЦСС в конце 2010-х — начале 2020-х гг.

Канал	Описание
Перенос производства китайскими ТНК в страны, на товары которых не действуют повышенные ввозные пошлины в США	В ответ на повышение в США импортных пошлин на китайские товары ТНК из КНР стали активно размещать производство в «дружественных» странах (главным образом, в странах АСЕАН), что позволило последним нарастить участие в ГЦСС
Усиление локализации и регионализации поставок промежуточной продукции вследствие пандемии COVID-19	Пандемия COVID-19, обрушившая международные торгово-экономические связи, привела к росту степени локализации и регионализации источников промежуточной продукции для укрепления устойчивости ГЦСС к кризисным явлениям
Трансформация ГЦСС с участием Российской Федерации в ходе СВО	Сокращение Россией экспорта нефти и газа в ЕС в ответ на антироссийские санкции явилось причиной разрушения международных энергетических цепочек поставок в 2022 г. Однако это способствовало формированию новых ГЦСС (в частности, между Россией и Беларусью)

Канал	Описание
Развитие сотрудничества в области ГЦСС между странами «БРИКС+»	Создание ГЦСС компаниями из стран «БРИКС+» обеспечивает расширение промышленной кооперации по линии «Юг — Юг», снижая зависимость развивающихся стран от западного капитала

Источник: составлено автором.

Изменения в структуре стоимости конечной продукции и составе участников ГЦСС

Помимо указанных изменений в географической структуре ГЦСС, на сегодняшний день имеют место определенные трансформации в процессе создания стоимости конечной продукции и в составе участников ГЦСС. Среди них: увеличение вклада услуг в ГЦСС; повышение степени наукоемкости ГЦСС; рост числа независимых участников ГЦСС.

Увеличение вклада услуг в ГЦСС. Различные виды услуг сегодня играют все большую роль в ГЦСС. Если при оценке торговых потоков на валовой основе услуги составляют 20–25% стоимостного объема мировой торговли, то в категориях добавленной стоимости их доля возрастает до 50% (Miroudot, Cadestin, 2017, p. 7). Важное значение услуг для деятельности в формате ГЦСС состоит в том, что они обеспечивают координацию географически разделенных этапов производства конечной продукции. Для того чтобы управлять международными цепочками поставок, компаниям необходимы транспортно-логистические, финансовые, телекоммуникационные и ИТ-услуги. Кроме того, услуги нередко выступают в качестве ресурсов для основной деятельности ТНК в реальном секторе. Многие ГЦСС в обрабатывающей промышленности начинаются с фундаментальных исследований и проектно-конструкторских работ. Данные диаграммы на рис. 1 свидетельствуют о том, что во всех двадцати крупнейших экономиках мира (за исключением Саудовской Аравии) в период 1995–2020 гг. наблюдался рост доли добавленной стоимости, созданной в сфере услуг, в экспорте обрабатывающей промышленности, причем для большинства из них (особенно для развитых стран) прослеживалась тенденция интернационализации поставок промежуточных услуг. Наиболее заметно выросла интенсивность использования импортных услуг в производстве экспортных товаров обрабатывающей промышленности в Турции, Нидерландах, Франции, Германии и Бразилии (прирост доли 7,6 п.п., 6,9 п.п., 6,8 п.п., 5,9 п.п. и 5,1 п.п. соответственно). Иными словами, бизнес-операции, связанные с оказанием услуг для производства промышленных товаров, сегодня все чаще переносятся за рубеж, что позволяет сделать вывод об ускорении глобализации рынков услуг.

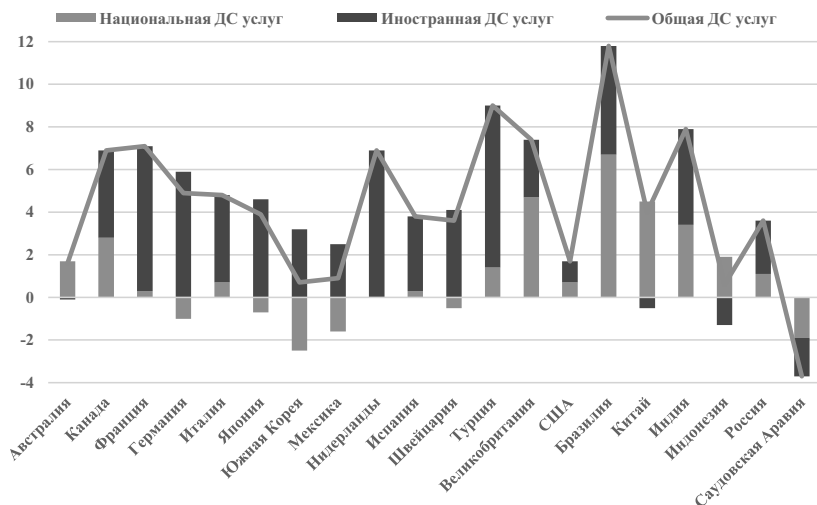

Рис. 1. Изменение долей национальной и иностранной добавленной стоимости услуг в экспорте обрабатывающей промышленности крупнейших экономик мира в 1995–2020 гг. (в п.п.)

Источник: рассчитано и построено автором по данным (TiVA, 2023).

Увеличение вклада услуг в ГЦСС объясняется не только их растущим использованием в качестве ресурсов для производственной деятельности ТНК. Компании реального сектора в настоящее время все больше торгуют внутрифирменными услугами, которые сопутствуют их сборочным операциям, формируют их экспортный потенциал и влияют на их международную конкурентоспособность (Miroudot, Cadestin, 2017). Они включают дистрибьюторские, маркетинговые услуги, услуги по обеспечению контроля качества товаров, предоставлению техподдержки. На виды деятельности, связанные с оказанием данных услуг, в странах ОЭСР приходится от 25 до 60% рабочих мест в обрабатывающей промышленности (Miroudot, Cadestin, 2017, р. 5). Кроме того, многие промышленные товары сегодня продаются в одном пакете с услугами, что не позволяет при составлении статистики отделить стоимость товара от стоимости услуги. Так, экспорт машин и оборудования сопровождается услугами по установке и ремонту, экспорт химической и фармацевтической продукции — услугами НИОКР, экспорт нефтегазового сектора — услугами по транспортировке топлива по трубопроводам. Это повышает потребительскую ценность товаров, производимых международными компаниями, и способствует закреплению долгосрочных отношений с клиентами, поскольку им не приходится прибегать к сторонним организациям для получения соответствующих услуг. С учетом внутрифирменных услуг и услуг, экспортируемых в одном пакете

с товарами, доля добавленной стоимости, созданной в сфере услуг, в экспорте обрабатывающей промышленности стран ОЭСР достигает двух третей (Miroudot, Cadestin, 2017, p. 5). Исходя из вышеизложенного, можно утверждать о качественном сдвиге в роли услуг в современных ГЦСС от ресурсов для производства материальных благ к бизнес-функциям, напрямую формирующим ценность конечного продукта для потребителя.

Повышение степени наукоемкости ГЦСС. Отличительной особенностью ГЦСС на современном этапе развития мировой экономики является то, что глобальные стоимостные цепочки стали более наукоемкими по сравнению с теми, которые преобладали в 1980-е гг. ТНК, образующие ГЦСС, обычно размещают материальные звенья цепочек создания стоимости (добыча и обработка сырья, изготовление деталей и комплектующих, сборка конечного продукта) за рубежом с целью увеличения рентабельности корпорации в целом, в то время как нематериальные операции (НИОКР, разработка дизайна, маркетинг, продажи) зачастую выполняются материнскими компаниями. Так как затраты на фактическое производство снижаются ввиду офшоринга материальных стадий ГЦСС в страны с низкими издержками, то доля добавленной стоимости, создаваемой на соответствующих этапах ГЦСС, в стоимости конечного товара падает, становясь ниже доли, приходящейся на нематериальные сегменты ГЦСС. Данная зависимость известна в научной литературе как «кривая улыбки», введенная в 1992 г. основателем тайваньской компании «Эйсер» (Acer) Стэном Ши (Shih, 1992).

Интернационализация промышленного производства ТНК в формате ГЦСС привела не только к расширению трансграничных потоков промежуточных товаров, но также к повышению роли международных научно-технических связей в развитии мировой экономики. В ходе осуществления ПИИ ТНК передают аффилированным предприятиям патенты, товарные знаки, фирменные наименования, технологии и уникальные бизнес-модели. Международные компании в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики, как, например, «Ай-би-эм» (IBM), «Самсунг» (Samsung Group), «Мерседес-Бенз» (Mercedes-Benz AG), «Дженерал Моторс» (General Motors) и др., сегодня участвуют в экспорте нематериальных активов через ПИИ. Возрастание степени наукоемкости ГЦСС проявляется в том, что в последние годы получило стимул к развитию «бесфабричное производство», когда интеллектуальная собственность превращается в главный актив крупнейших ТНК, а их товары выпускаются в основном контрактными производителями из развивающихся стран (Мальцев, 2024). Так, 59% цены Айфона-X (iPhone X) приходится на нематериальные активы «Эпл» (Apple), в том числе на операционную систему iOS, фирменный дизайн, логотип и маркетинговые услуги (GVC Development..., 2021, p. 44). Таким образом, для ГЦСС XXI в. свойственно смещение относительного размера добавленной стоимости с производства на производ-

ственные виды деятельности — другими словами, растет ценность создания сложной, наукоемкой и персонализированной продукции («кривая улыбки» становится более крутой, как это отражено на рис. 2).

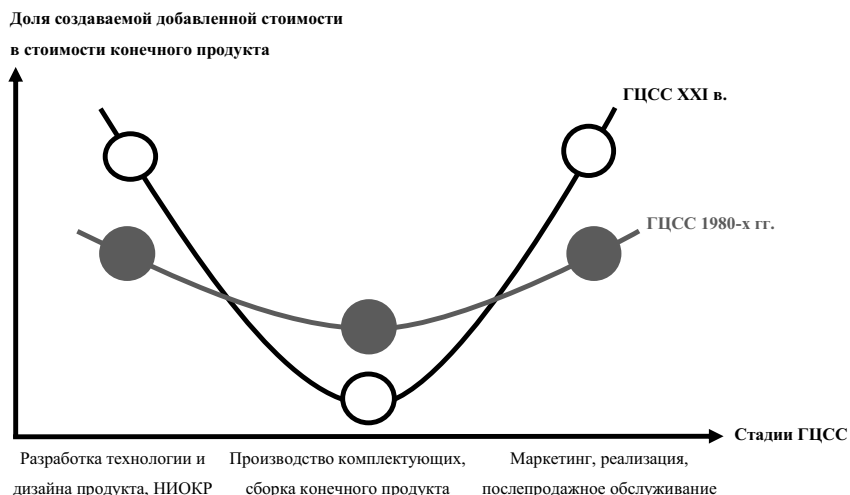

Рис. 2. Распределение стоимости конечного продукта по стадиям ГЦСС в 1980-е гг. и на современном этапе развития мировой экономики («кривая улыбки»)

Источник: (Baldwin, 2013, p. 37).

Возрастание роли независимых участников ГЦСС. Набирающее обороты «бесфабричное производство» сопряжено с другой современной тенденцией развития глобальных стоимостных цепочек — с повышением вклада независимых участников ГЦСС в процесс создания стоимости конечного продукта. Среди них выделяются: поставщики, подрядчики, аутсорсинговые компании, контрактные производители, МСП и др. Указанную тенденцию освещают в своем исследовании ученые из Института экономики РАН Н. В. Смородинская, В. Е. Малыгин и Д. Д. Катуков (Смородинская и др., 2017). Авторы отмечают, что если в 1980–1990-е гг. ТНК по большей части прибегали к вертикальной интеграции во все стадии производственного процесса, то сегодня они непосредственно контролируют, как было упомянуто, в основном только нематериальные сегменты цепочек создания стоимости. В связи с этим современные ГЦСС все чаще выстраиваются как «совместный бизнес-проект» фирм, не имеющих формальных отношений собственности, деятельность которых координируется компанией-интегратором (формирующей ГЦСС ТНК либо ритейлером / торговой сетью). Эти фирмы нередко располагаются в специализированных кластерах в различных странах мира и выполняют узкопрофильные производственные задачи

в рамках ГЦСС. В то же время компания-интегратор управляет международной цепочкой поставок через принадлежащий ей офис/подразделение в одном из кластеров.

Заключение

Проведенное исследование основных современных тенденций и особенностей развития глобальных стоимостных цепочек в мировой экономике позволяет сделать ключевой вывод о том, что текущая динамика процессов международной фрагментации производства в формате ГЦСС кардинально отличается от той, которая наблюдалась в 1990–2000-е гг. и даже в 2010-е гг. Транснациональные компании в различных странах по-прежнему прибегают к географическому разделению стадий производственного цикла с целью использования сравнительных преимуществ стран-реципиентов, однако данный процесс значительно замедлился во второй декаде XXI в., а сами международные цепочки создания стоимости все больше сокращаются. Произшедшие в конце 2010-х — начале 2020-х гг. изменения общей экономической и политической ситуации в мире свидетельствуют о начале нового этапа в развитии ГЦСС, связанного с реконфигурацией глобальных стоимостных цепочек. В качестве важнейших каналов, которые обеспечили перестроение ГЦСС в стратегиях ТНК за последние 5–7 лет, автором обозначены: перенос производства китайскими ТНК в страны АСЕАН, Канаду и Мексику в результате торговой войны между США и КНР («френдшоринг»); увеличение степени локализации и регионализации поставок промежуточной продукции вследствие пандемии COVID-19; трансформация ГЦСС с участием России в ходе СВО; развитие промышленной кооперации в формате ГЦСС между странами «БРИКС+». Под влиянием научно-технологического прогресса и потребностей современного информационного общества происходят следующие изменения в международных цепочках создания стоимости: в них возрастает роль услуг; они становятся более наукоемкими; часть их звеньев переходит «в цифру». В настоящее время ГЦСС трансформируются в горизонтально распределенные сетевые структуры, включающие значительное количество независимых участников.

Современное состояние ГЦСС ставит серьезные вызовы перед социально-экономическим развитием России. Вследствие сокращения географической протяженности ГЦСС и усиления концентрации ключевых бизнес-функций в развитых странах отечественные компании рискуют остаться ограниченно вовлеченными в ГЦСС. Высокая зависимость российской экономики от сырьевого экспорта в совокупности с технологическими санкциями создает угрозу сохранения «подчиненного» положения России в ГЦСС. В свете отставания РФ по темпам цифровизации

отраслей промышленности от развитых стран отечественные производители могут «выпасть» из цепочек создания стоимости, формирующихся в эпоху «Индустрии 4.0».

Указанные вызовы обуславливают необходимость реализации мер государственной политики, направленных на стимулирование эффективной интеграции компаний России в ГЦСС и на повышение ее экономического суверенитета в новых условиях. Так, одной из первостепенных задач является укрепление конкурентных позиций отечественного ТЭК в ГЦСС. В этой связи требуется обновление материально-технической базы производства, что позволит российским нефтегазовым компаниям переходить от поставок сырой нефти к глубокой переработке сырья и приведет к увеличению национальной добавленной стоимости экспорта вследствие выпуска продукции более высоких переделов. Решающую роль в этом должна играть государственная поддержка разработки собственных технологий добычи и переработки нефти и газа, что будет способствовать адаптации российского ТЭК к санкционному давлению. Нефтегазовые доходы федерального и регионального бюджетов важно направлять на реализацию национальных инновационных проектов в обрабатывающей промышленности и, в частности, на развитие IT-сферы. Правительство России также должно отдавать необходимый приоритет осуществлению комплексных программ цифровой трансформации отечественной экономики, стимулируя внедрение цифровых технологий на российских предприятиях, включая малые и средние предприятия, и поощряя инвестиции компаний в обучение персонала цифровым навыкам. Наконец, усиление регионализации ГЦСС в результате пандемии COVID-19 открывает новые возможности для развития кооперации российских хозяйствующих субъектов с партнерами из географически соседних государств, в том числе из Беларуси, Казахстана, Монголии, Китая, стран Балтии. Использование потенциала данного сотрудничества в целях достижения эффективной интеграции отечественной экономики в ГЦСС требует от государственных органов власти РФ проведения политики по выстраиванию региональных цепочек создания стоимости с участием России. Важное место в ней должно принадлежать мерам по развитию производственного потенциала приграничных регионов, сопровождению взаимных прямых инвестиций, запуску совместных научно-исследовательских проектов на начальных стадиях ГЦСС, расширению организационной и финансовой поддержки выхода российских компаний на рынки этих стран.

Список литературы

Авдокушин, Е. Ф., & Широкова, А. В. (2009). Развитие международных аутсорсинговых отношений. *Финансы и кредит*, 357(21), 23–32.

Арефьев, П. В. (2022). Глобальные цепочки стоимости между Россией и Беларусью в новых геополитических условиях. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 60, 270–287. <https://doi.org/10.17223/19988648/60/16>

Барнаковский, В. Г. (2018). Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(1), 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15>

Волгина, Н. А. (2020). Изучение глобальных цепочек стоимости: роль международных организаций. *Вестник международных организаций*, 15(2), 255–285. <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12>

Ляменков, А. К. (2017). Глобальные цепочки создания стоимости: вопросы теории и современные тенденции формирования. *Экономист года 2017: сборник статей VI Международного научно-практического конкурса* (с. 22–27).

Малыгин, В. Е. (2015). Феномен глобальных стоимостных цепочек: понятие, формы, эволюция. *Вестник Института экономики РАН*, 6, 113–124.

Мальцев, А. А. (2024). Реконфигурация глобальных цепочек создания стоимости как мегатренд современной глобализации. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2, 87–103. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-2-87-103>

Смирнов, Е. Н. (2022). Посткризисная регионализация глобальных цепочек создания стоимости в стратегиях транснациональных компаний. *Экономика региона*, 18(4), 1003–1015. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-3>

Смирнов, Е. Н., & Лукьянов, С. А. (2019). Оценка трансформирующего воздействия глобальных цепочек создания стоимости на международную торговлю. *Управленец*, 10(3), 36–46. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-3-4>

Сморodinская, Н. В., Малыгин, В. Е., & Катуков, Д. Д. (2017). Сетевое устройство глобальных стоимостных цепочек и специфика участия национальных экономик. *Общественные науки и современность*, 3, 55–68.

Спартак, А. Н. (2018). *Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России*. ВАВТ Министерства экономического развития России.

Толкачев, С. А. (2018). Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики. *Экономическое возрождение России*, 58(4), 64–80.

Baldwin, R. (2013). Global supply chains: Why they emerged, why they matter, and where they are going. In D. K. Elms, & P. Low (Eds.), *Global value chains in a changing world* (p. 13–59). WTO Publications. <https://doi.org/10.30875/3c1b338a-en>

BRICS Initiative on Enhancing Cooperation on Supply Chains (FINAL). Retrieved April 9, 2025, from <https://www.economy.gov.ru/material/file/c03f96c0f088967788d492560e90e42c/BRICS%20Initiative%20on%20Enhancing%20Cooperation%20on%20Supply%20Chains.pdf>

De Backer, K., & Flaig, D. (2017). *The Future of Global Value Chains: Business as Usual or «A New Normal»?* OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. <https://doi.org/10.1787/d8da8760-en>

Fu, X. (2020). Digital transformation of global value chains and sustainable post-pandemic recovery. *Transnational Corporations*, 27(2), 157–166.

Global Value Chain Development Report 2021: *Beyond Production*. Asian Development Bank Publications.

Global Value Chain Development Report 2023: *Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times*. Asian Development Bank Publications.

International Labor Organization. Statistics on Wages. Retrieved April 9, 2025, from <https://ilostat.ilo.org/topics/wages/>

- Miroudot, S., & Cadestin, C. (2017). *Services in Global Value Chains: From Inputs to Value-Creating Activities*. OECD Trade Policy Papers. <https://doi.org/10.1787/465f0d8b-en>
- OECD. (2022, August 4). The Supply of Critical Raw Materials Endangered by Russia's War on Ukraine. Retrieved April 9, 2025, from https://www.oecd.org/en/publications/the-supply-of-critical-raw-materials-endangered-by-russia-s-war-on-ukraine_e01ac7be-en.html
- Shih, S. (1992). *Empowering Technology — Making Your Life Easier*. Acer's Report.
- Trade in Value Added (TiVA). 2023 Edition. Principal Indicators. Retrieved April 9, 2025, from <https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=14&tm=TIVA>
- World Development Indicators. Data Bank. Retrieved April 9, 2025, from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
- World Development Report 2020: *Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. Washington, DC: World Bank.
- World Investment Report 2023: *Investing in Sustainable Energy for All*. Geneva: United Nations.
- World Investment Report 2024: *Investment Facilitation and Digital Government*. Geneva: United Nations.
- WTO Integrated Trade Intelligence Portal. Retrieved April 9, 2025, from <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/ProductViewNew.aspx?mode=modify&action=search>
- WTO Regional Trade Agreements Database. Retrieved April 9, 2025, from <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

References

- Arefyev, P. V. (2022). Global Value Chains Between Russia and Belarus in New Geopolitical Conditions. *Tomsk State University Journal of Economics*, 60, 270–287. <https://doi.org/10.17223/19988648/60/16>
- Avdokushin, E. F., & Shirokova, A. V. (2009). Development of International Outsourcing Relations. *Finance and Credit*, 357(21), 23–32.
- Lyamenkov, A. K. (2017). Global value chains: Theoretical approaches and current trends. *Ekonomist goda 2017: sbornik statey VI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* (p. 22–27).
- Malygin, V. E. (2015). Global Value Chains Phenomena: Definition, Forms, Evolution. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 6, 113–124.
- Maltsev, A. A. (2024). The Reshaping of Global Value Chains as a Megatrend of Modern Globalization. *Russian Foreign Economic Journal*, 2, 87–103. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-2-87-103>
- Smirnov, E. N. (2022). Post-Crisis Regionalization of Global Value Chains in Strategies of Transnational Companies. *Economy of Regions*, 18(4), 1003–1015. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-3>
- Smirnov, E. N., & Lukyanov, S. A. (2019). Assessment of the Transforming Impact of Global Value Chains on International Trade. *The Manager*, 10(3), 36–46. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-3-4>
- Smorodinskaya, N. V., Malygin, V. E., & Katukov, D. D. (2017). The Network Structure of Global Value Chains and Specificity of Countries' Participation in Them. *Social Sciences*, 3, 55–68.
- Spartak, A. N. (2018). *Modern transformation processes in international trade and Russia's interests*. Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

Tolkachev, S. A. (2018). Change in the Quality and Structure of Value-Added Chains in the Era of the Fourth Industrial Revolution: Influence of Globalization Crisis and the Advent of the Digital Economy. *Economic Revival of Russia*, 58(4), 64–80.

Varnavskii, V. G. (2018). International Trade in Value Added Terms: Methodological Issues. *World Economy and International Relations*, 62(1), 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15>

Volgina, N. A. (2020). Global Value Chain Research: The Role of International Organizations. *International Organizations Research Journal*, 15(2), 255–285. <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12>